

Джованни Савино*

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАРКСИЗМ И РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ**

А. ЛАВРИОЛА, А. ГРАМШИ И ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ (1890–1937)

Аннотация: В статье рассматриваются влияния и взаимосвязи известных итальянских мыслителей марксистского толка Антонио Лабриолы и Антонио Грамши с видными деятелями российского социалистического и коммунистического движения (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий). В истории социалистического (и анархического) движения в Италии и в России в конце XIX – начале XX вв. есть много поводов для более внимательного исследования точек «контакта» и «совпадений» разных позиций – в первую очередь, из-за присутствия влиятельных руководителей Итальянской социалистической партии русского происхождения, таких как Анна Кулишева (известна в Италии как Anna Kuliscioff) и Анжелика Балабанова (Angelica Balabanoff). Немалый моральный и теоретический авторитет в интеллектуальном формировании русских социал-демократов за рубежом имеет итальянский философ Антонио Лабриола. Влияние Лабриолы на европейское рабочее движение и дебаты об историческом материализме было огромным, а его критика позитивизма и реформизма в Итальянской социалистической партии имела резонанс и в дискуссиях европейских социалистических партий. Антонио Грамши, основатель Итальянской коммунистической партии, перенял у Лабриолы понятие «теории праксиса», равно как и позицию философа, направленную против позитивизма и реформизма итальянского социализма. Идея Грамши о «креативной силе» рабочего класса в революционном процессе происходит от рассуждений Лабриолы о классах в историческом материализме. Интерес Грамши к Лабриоле связан не только с ролью философа в создании «теории праксиса» или его учением об историческом материализме, но и с влиянием профессора на русский марксизм.

Ключевые слова: исторический материализм, Лабриола, гегемония, Грамши, революция, рабочий класс, марксизм, Богданов.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-99-117.

История международного социалистического движения часто сталкивается с редукцией ее традиций, взглядов и позиций в отношении «событийной истории» (*histoire evenementielle*). Но политическое значение того или иного события сложно понять без подробной дискуссии о позициях

*Савино Джованни, PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), giovsav@gmail.com.

**© Савино, Дж. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

мыслителей того времени, особенно при наличии «монолитного» представления об этом движении, без анализа взаимных международных влияний разных школ социалистической мысли.

Как ни странно, в истории социалистического (и анархического) движения в Италии и в России в конце XIX – начале XX вв. есть много поводов для более внимательного исследования «точек контакта» и «совпадений» разных позиций: в первую очередь, из-за присутствия в Итальянской социалистической партии (ИСП) влиятельных руководительниц русского происхождения, таких как Анна Кулишева (известная в Италии как Anna Kuliscioff) и Анжелика Балабанова (Angelica Balabanoff). Немалый моральный и теоретический авторитет в интеллектуальном формировании русских социал-демократов за рубежом имеет итальянский философ Антонио Лабриола.

После революции 1917 г. полемика вокруг российских событий и большевизма была важной причиной разногласий внутри Итальянской социалистической партии, а также предметом дискуссий в более широком рабоче-крестьянском движении, где острый социальный кризис послевоенной Италии был воспринят как прелюдия к «итальянскому Октябрю».

Тесные связи между Коминтерном и итальянскими коммунистами — особенно Антонио Грамши, руководителем партии и весьма влиятельным интеллектуалом, — также свидетельствуют об отношениях между политическими и философскими культурами; «Тюремные тетради» Грамши, главное интеллектуальное наследие вождя Итальянской коммунистической партии, нельзя понять до конца, не учитывая этих культурных связей. Неслучайно в появившихся после Великой отечественной войны советских публикациях о Грамши и Лабриоле вниманию читателей предлагалась триада Лабриола-Грамши-Тольятти, где первый позиционировался как «предшественник» последних двух. Такая тенденция существовала в текстах итальянских коммунистов 1950-х гг., но критическая работа итальянских интеллектуалов 1960–70-х в каком-то смысле «освободила» Грамши от тени Пальмиро Тольятти, не только подчеркнув оригинальность работ Грамши, но и снова актуализировав наследие Лабриолы.

АНТОНИО ЛАБРИОЛА — ОТЕЦ ИТАЛЬЯНСКОГО МАРКСИЗМА ИЛИ «ПОСЛЕДНИЙ СТОРОННИК» МАРКСА?

В 1880–1890-х гг. дискуссии о марксизме заняли важное место в интеллектуальной и культурной среде Италии. Известные академические

деятели и молодые интеллектуалы обсуждали идеи Маркса и Энгельса, спорили об историческом материализме, дискутировали об экономических и социальных основах социализма. Такая ситуация возникла из-за основания Итальянской социалистической партии (1892), а также социальных протестов тех времен, таких как движение Сицилийских фаши. Огромный вклад в эти дискуссии внесли работы Лабриолы.

Профессор философии истории в Римском университете, Лабриола шел к социализму постепенно — на протяжении более чем десяти лет; «в период 1879/80», — так итальянский философ рассказал Энгельсу в письме 3 апреля 1890, — «я почти перешел к социалистическому мировоззрению; но скорее из-за общего понимания истории, чем из-за внутреннего побуждения» (Labriola, 2003: 28). Старый большевик Э. Э. Эссен в предисловии к второму русскому изданию сборника работ Лабриолы «Исторический материализм: очерки материалистического понимания истории» так иллюстрировал важность трудов итальянского философа:

Антонио Лабриола был тем единственным человеком, которому по плечу была эта задача, — недаром Маркс и Энгельс признавали в нем своего ученика. Ортодоксальными марксистами, кроме него, можно было считать еще только нашу соотечественницу Анну Кулишеву, жену молодого еще в то время Филиппа Турати.

Когда последний, под влиянием жены, тоже стал марксистом, образовалась та тройка, которая насадила марксизм на итальянскую почву. 90-е годы дали широкий размах марксистской литературе. Однако движение шло не вглубь, а вширь. Появилось множество крупных и мелких групп «марксистов-пустоцветов». Несмотря на то, что после русской и немецкой итальянская марксистская литература является наиболее обширной, за пределами Италии рабочие знают только одного итальянского ортодоксального марксиста — Антонио Лабриолу (Лабриола, Горлин, 1925: 5).

Именно акцент на ортодоксальности Лабриолы вызывает интерес; такая же оценка приводится в предисловии к русскому изданию 1960 г. «Очерки материалистического понимания», в серии «Библиотечка по научному социализму». Здесь неизвестный автор отмечает, что

значение А. Лабриолы в развитии марксистской теории лучше всего подчеркнуто той высокой оценкой, которая была дана его трудам Ф. Энгельсом и В. И. Лениным и руководителями Итальянской компартии. Ф. Энгельс, получив от А. Лабриолы экземпляр его первого очерка «В память о Манифесте Коммунистической партии», писал автору: «Все очень хорошо... имеются лишь отдельные мелкие фактические неточности — и в самом начале излишне ученый способ изложения. Я с нетерпением ожидаю остальную

часть». В письме к Зорге от 30. XII. 1893 г. Энгельс подчеркивает важность исследований А. Лабриолы по вопросу о генезисе марксизма и называет его «строгим последователем Маркса».

В. И. Ленин, находясь в селе Шушенском, писал своей сестре, А. И. Ульяновой, о желательности перевода на русский язык «Очерков материалистического понимания истории», которые он читал в это время в сокращенном переводе. В. И. Ленин называл работу Лабриолы «чрезвычайно интересным трудом», «чрезвычайно умной защитой „нашей доктрины“», «превосходной книгой» (Лабриола, 1960: 7–8).

Лабриола, таким образом, считался в СССР последовательным марксистом, и причины такой «фортуны» надо искать не только в его отношениях и переписке с Фридрихом Энгельсом, Карлом Каутским, Августом Бебелем и другими лидерами тогдашней социал-демократии, но и в рецензии Г. В. Плеханова на французский перевод 1897 г. «Отец русского марксизма» посвятил французскому изданию «Очерков материалистического понимания истории» эссе объемом 30 страниц, где взгляды Лабриолы были важной частью более подробной критики в адрес народников. Надо уточнить, что Плеханов критикует некоторые высказывания Лабриолы, потому что тот в своих очерках нередко отрешивается от «экономического материализма»; но замечания Плеханова больше похожи на атаку на «идеализм» неонародников (Плеханов, 1929: 250, 258, 260). Это происходит, потому что он объясняет позиции итальянского ученого так: «[вот] почему люди вроде Антонио Лабриола не признают себя экономическими материалистами: именно потому, что они последовательные материалисты и именно потому, что исторически их взгляды представляют собою прямую противоположность историческому идеализму» (там же: 241).

Лабриола довольно жестко и подробно критиковал экономистический подход в социал-демократии, даже до возникновения «ревизионизма» в международном социалистическом движении; но его замечания были одновременно и критикой «догматического истолкования марксизма» (Ойзерман, 2009: 7). Размышления итальянского марксиста были и в основе критики Плеханова:

Итак, нравственность, искусство, религия и наука являются лишь продуктами экономических условий? — представителями различных категорий этих условий? — эманацией, украшением, излучением и обманчивым отражением материальных интересов? Подобного рода утверждения, высказываемые с такой голословностью и в такой резкой форме, слышны за последнее время

с разных сторон и приходят весьма кстати на помощь противникам материализма, которые пользуются ими, как пугалом (Лабриола, Горлин, 1925: 122).

Такие «ленивые умы» интеллигенции, по мнению Лабриолы, хотели изобрести «единственный ключ», чтобы проникать во все тайны жизни, то есть интерпретировать сложные социальные, культурные, философские вопросы всегда через одну призму. Лабриола очень резко относился к таким предложениям, которые были крайне далеки от его понимания философии:

Свести все вопросы этики, эстетики, филологии, исторической критики и философии к одному единственному вопросу и избавиться, таким образом, от всех трудностей! Таким путем глушцы могли бы низвести всю историю до уровня коммерческой арифметики и дать нам новое оригинальное толкование творения Данте — всей его *Divina Commedia* — объяснив ее при помощи счетов на суконные товары, которые продувные флорентинские купцы продавали с великой для себя выгодой! (там же: 122–123)

Такой подход к изучению философии истории был освещен во вступительной лекции Лабриолы 28 февраля 1887 г. в Римском университете. История в понимании Лабриолы — это процесс, основанный на широких социальных структурах (политические институты, семейный строй, системы собственности, литературы, религии). Вопрос философии истории — в скачках и трансформации в процессе, которые, по мнению Лабриолы, суть основные истоки «генезиса» истории (Mustè, 2015: 174–75).

Был ли Лабриола ортодоксальным марксистом? Лабриола был одним из первых итальянских ученых, применивших психологический подход в историко-социальных исследованиях. (Lombardo and Foschi, 1997: 21). Именно влияние *Völkerpsychologie* (этнопсихологии) немецкого ученого Вильгельма Вундта было важно для критики Лабриолы в отношении гегельянской исторической школы (Poggi, 1982). Именно те стимулы, благодаря которым возникли так называемые новые науки 1870-х (антропология, лингвистика, психология), формировали понимание Лабриолой исторического процесса (Dal Pane, 1975: 131)¹.

¹В некоторых случаях можно считать такие размышления Лабриолы предшествующими более органической теории «культурной гегемонии» Антонио Грамши. В «Тюремных тетрадах», где понятие «гегемония» означает и управление, и управление вместе с властью, можно найти немало аналогий с позициями Лабриолы. Например, у Грамши мы встречаем такое определение политики: «политика есть во всем, в том числе и в философии или в философиях (см. заметки о характере идеологий), а единственная „философия“ — это история в действии, это сама жизнь. В этом смысле можно истолковать тезис о немец-

Кроме того, только к концу 1880-х Лабриола стал последовательным марксистом в теоретической области и социалистом в политической (Mustè, 2015: 177). Однако его позиция не всегда положительно воспринималась руководством Итальянской социалистической партии. В отличие от Филиппо Турати, лидера партии и ее парламентской фракции, взгляды профессора были более радикальными: Турати высказался в дискуссии «Демократия и социализм» на страницах политического журнала *Critica Sociale* о том, что «социальная республика» могла бы быть результатом «революции или эволюции», — Лабриола же считал, что «партия социалистов — партия революционеров», и не любил «эклектизм» Турати (Labriola, 2003: 264)².

Анжелика Балабанова, ставшая ученицей Лабриолы, так описала его «одинокчество» в ИСП:

Ближе к концу года Лабриола вызвал меня к своему преподавательскому столу и показал новую книгу по марксизму, которая, как он полагал, меня заинтересует. «Послушайте, синьорина, — сказал он грустно, когда я уже собиралась возвратиться на свое место, — я единственный в Италии марксист. Когда я умру, единственной останетесь вы. Вы должны быть исполнителем моей марксистской воли» (Балабанова, Карпова, 2007: 22).

Если в политическом плане Лабриола был радикальнее и последовательнее Турати, то ярлык «ортодокса», который встречается на страницах работ русских социалистов и в советских изданиях, не совсем отражает его теоретические позиции. Несмотря на его глубокие отношения с Энгельсом, Лабриола никогда не был пламенным защитником К. Каутского и «ортодоксии». Итальянский философ резко критиковал Бернштейна и ревизионистов, но, как он объяснил в 1899 г. в письме к Леониду Биссолати, одному из руководителей ИСП, «именно я —

ком пролетариате, наследнике немецкой классической философии, и можно утверждать, что теоретизация и осуществление гегемонии, проделанные Иличичи, явились великим „метафизическим“ событием» (Gramsci, 1977: 882).

²Отношения Лабриолы с Итальянской социалистической партией были весьма проблематичными. Филиппо Турати, предводитель партии в идеологическом и в организационном плане, понимал социализм как последовательное развитие демократии и поддерживал такое мировоззрение до конца жизни. Лидер парламентской фракции ИСП так отметил российские события в своей речи в заседании итальянского парламента 23 марта 1917 г.: «Мы желаем, чтобы российская революция, у которой есть такой потрясающий подъем, напоминающий Великую французскую революцию, быстро свергла все преграды и победила. Восхваляя свободную Россию, мы скажем — да здравствует освобождение мира!» См. *Resoconto stenografico...*, 1917: 13376–13378.

кризис марксизма, потому что никогда не был ни подражателем, ни толкователем Маркса» (Labriola, 2006: 68)³.

Именно оригинальность подхода Лабриолы оценили молодые социалисты за рубежом. Например, Л. Д. Троцкий в своей автобиографии так вспоминает первое чтение трудов Лабриолы во время ареста в Одессе: «Я с восторгом читал в своей камере два известных очерка старого итальянского гегелианца-марксиста Антонио Лабриолы, проникших в тюрьму на французском языке. Как немногие из латинских писателей, Лабриола овладел материалистической диалектикой если не в политике, где он был беспомощен, то в области философии истории» (Троцкий, 1991: 127). Отношение Троцкого к итальянскому философу было в принципе очень положительным, поскольку он видел в его трудах ответ на критику работ народнических интеллектуалов конца XIX в.:

Под блестящим дилетантизмом его изложения скрывалась на самом деле настоящая глубина. С теорией многочисленных факторов, населяющих Олимп истории и оттуда управляющих нашими судьбами, Лабриола расправлялся великолепно. Хотя с того времени, как я читал его опыты, прошло тридцать лет, но общий ход его мыслей крепко врезался в мою память, как и постоянный припев: «Идеи не падают с неба». Бессильными показались мне после этого русские теоретики многообразия факторов: Лавров, Михайловский, Кареев и другие. Много позже я никак не мог понять тех марксистов, на которых оказала влияние бесплодная книга немецкого профессора Штаммлера «Хозяйство и право», представляющая одну из бесчисленных попыток пропустить великий естественноисторический и исторический поток, идущий от амёбы к нам и от нас дальше, через замкнутые кольца вечных категорий, представляющие на деле лишь отпечатки живого процесса в мозгу педанта (там же).

Пока молодой Бронштейн сидел в одесской тюрьме, успешная преподавательская деятельность Лабриолы привлекала студентов из Российской империи. Анжелика Балабанова, тогда берлинская студентка и член Союза русских социал-демократов за границей, решила переехать в Рим в 1900 г., потому что хотела учиться философии и марксизму у Лабриолы. Русская социалистка так вспоминает этот момент:

С самых моих первых шагов по изучению марксизма одно имя становилось мне все больше и больше знакомым. Это было имя Антонио Лабриолы [...]

³Лабриола вел переписку и с Жоржем Сорелем, французским теоретиком и основателем революционного синдикализма, особенно в 1897–99 гг. Лабриола, в отличие от Сореля, видел в историческом материализме основу политической, философской и научной деятельности и не соглашался с Сорелем по поводу создания новой метафизики и психологии для марксизма (Marini, 2012: 69).

Антонио Лабриола был преподавателем Римского университета. Всякий раз, когда какая-нибудь группа студентов-социалистов в любом из университетов, в которых я училась, собиралась, чтобы обсудить что-либо, можно было быть почти абсолютно уверенным в том, что услышишь ссылку на Лабриолу (Балабанова, Карпова, 2007: 20).

Социалистические настроенные студенты всей Европы приходили к Лабриоле, чтобы изучать его философский подход, который, по мнению Балабановой, был схож с идеями Плеханова. В тот момент в Италии социалистическое движение имело большой вес в политическом пространстве, а внутрипартийная дискуссия между реформистами и радикалами была очень острой. Балабанова решила отправиться в Рим и стать ученицей философа:

Я еще ни разу не была в Италии, и мысль о том, чтобы пожить там и узнать итальянцев на личном опыте, ассоциировалась с возможностью поработать под руководством человека с такой великолепной репутацией во всем мире и обладала неодолимой притягательностью. В конце семестра, после того как я упаковала свои книги и села в экспресс Берлин – Рим, мной овладело такое нетерпение, что казалось, будто поезд движется еле-еле (там же).

Как показывают разные воспоминания, лекции Лабриолы имели огромный успех среди студентов. Тематика их была обширной: от античной философии до истории социализма. В день 300-летия сожжения на костре Джордано Бруно Антонио Лабриола прочитал лекцию во дворе главного здания Римского университета. Текст лекции чрезвычайно важен для понимания понятий свободы и науки, а также роли университета в мировоззрении Лабриолы. Бруно, по словам профессора, был мучеником научной свободы, а университет — это место, где надо беречь исследовательскую свободу и первенство науки, потому что Бруно был «философским предшественником современной науки» (Labriola, 2008: 62). Университет, таким образом, — место свободы мысли и науки. Балабанова вспоминает, что Лабриола никогда не скрывал свои идеи, но и не пропагандировал их:

Научный метод Лабриолы был творческим. Будучи социалистом, он никогда при этом не делал попыток навязать свои социалистические убеждения своим ученикам. Он вел нас по дорогам истории и лабиринтам философии через прошлое и настоящее; он раскрывал перед нами факты и давал нам возможность самим делать выводы. Он учил нас сомневаться, чтобы мы научились исследовать и вырабатывать свой собственный критический подход к теории общества, искусству и науке (Балабанова, Карпова, 2007: 21).

Такое отношение было неудивительным для Лабриолы, который уже в 1870-х был сторонником академической свободы и, как интеллеktуал, всегда призывал к самым широким дискуссиям в рамках науки — без политической пропаганды или цензуры. Балабанова цитирует, как Лабриола относился к политике как практике в стенах академии:

В одной из немногих книг, оставленных им последующим поколениям, он писал: «Преподавателя, использующего университет для проведения пропаганды социализма, следует поместить в сумасшедший дом». Мы были еще больше тронуты, когда в конце последней лекции в семестре он остановился на минуту, посмотрел на нас усталыми дружелюбными глазами и сказал: «В сорока лекциях, которые я прочитал вам в этом году, я показал вам, что общество делится на эксплуатируемых и эксплуататоров. Те из вас, которые предпочитают бороться вместе с первыми против последних, выполняют великодушную, благородную задачу. Я говорю вам это как ваш преподаватель философии и нравственности. Я закончил» (Балабанова, Карпова, 2007: 21).

В предисловии второго издания его «Discorrendo di socialismo e filosofia», частично переведенного на русский язык как «О социализме», в 1902 г. Лабриола цитирует строки «Я выдохся как педагог / И превращаюсь в черта снова» (Ich bin des trocknen Tons nun satt / Muss wieder recht den Teufel spielen) из «Фауста» Гете, чтобы описать полемический характер его текста. Философ использовал переписку с французским деятелем Джорджем Сорелем, чтобы уточнить его позицию в области марксизма, и предлагал в третьем очерке работы понятие «философия праксиса» как историческое развитие человечества и как «костный мозг исторического материализма» (Labriola, 2008: 3650, 3680). Марксизм в этом смысле в интерпретации Лабриолы станет не только целой независимой философской системой, но и основой «новой, тотальной цивилизации», как Грамши, внимательный читатель философа, объяснил в «Тюремных тетрадах» (Gramsci, 1977: 435). И чтение, и интерпретации Лабриолы от Антонио Грамши развивали, особенно в период после 1945 г., интерес к личности и мысли профессора философии.

ГРАМШИ ЧИТАЕТ ЛАБРИОЛУ: ГЕНЕАЛОГИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО МАРКСИЗМА

Лабриола умер в 1904 г., и его наследие было слабо воспринято руководством Итальянской социалистической партии — за несколькими исключениями⁴.

⁴Одно из этих исключений — Анжелика Балабанова, которая занимала различные важные должности в Итальянской социалистической партии и во Втором Интернационале.

С другой стороны, идеологическое наследие Лабриолы было крайне положительно принято Итальянской коммунистической партией (ИКП). Антонио Грамши, главный теоретик итальянского коммунистического движения, в своих «Тюремных тетрадах» пытается разобраться в ходе мысли Лабриолы; неаполитанский профессор, по мнению Грамши, был первым, кто заметил в марксизме «философию праксиса»⁵. Грамши так объясняет свою позицию: «Лабриола, утверждая, что философия практики независима от любого другого философского течения, что она самодостаточна, является единственным, кто попытался научно построить философию практики» (Gramsci, 1975: 1507–1508). Грамши уделяет большое внимание изучению мысли Лабриолы, и в хронологии «Тюремных тетрадей» заметки о личности и работах ученого сопровождаются чрезвычайно важными размышлениями о теории философии, о науке и о роли Джорджа Сореля и Пьера-Жозефа Прудона в социализме, как в тетради № 11⁶. Например, в тетради № 16 (XXII), в § 9, Грамши снова отмечает, что итальянский философ независим как от «ортодоксальных» социалистов под влиянием позитивизма, так и от идеалистов (к которым относит и Бергсона):

Лабриола отличается от тех и от других своим утверждением (по правде сказать, не всегда уверенным), что философия практики является независимой и оригинальной философией, несущей в себе самой элементы дальнейшего

⁵В 1960 г. сборник статей и текстов Грамши был напечатан государственным издательством политической литературы в серии «Библиотечка по научному социализму». В предисловии указано, что «с марксистской теорией Грамши познакомился по трудам Антонио Лабриолы — одного из талантливых пропагандистов марксизма в Италии, побудившего его заняться углубленным изучением произведений Маркса и Энгельса» (Грамши, Коррадов, 1960: 6). Как убедительно показали несколько биографов и исследователей мысли Грамши (Анджело д'Орси, Гвидо Лигуори), на формирование взглядов юного социалиста большое влияние имели различные политические мыслители и философы — например, Джордж Сорель и Анри Бергсон — а не только Лабриола (Liguori, 2015: 574). Сам Грамши не скрывал своего отношения к Бергсону, в котором видел великого критика позитивизма (Gramsci, 1975: 85–86). Вопрос влияния Бергсона на Грамши был достаточно спорным и острым. Из-за его образа «реакционного мыслителя» в СССР, например, в книге «Жизнь Грамши» (Л. Ломбардо-Радиче, Д. Карбоне, русский перевод 1953 г.), когда авторы пересказывают обвинение реформистов ИСП в адрес Грамши как «последователя Бергсона», есть сноски редактора о французском философе как «злейшем враге социализма и демократии» (Ломбардо-Радиче и Карбоне, Богемский, 1953: 58).

⁶Тетрадь № 11 — одна из тетрадей, посвященных философскими вопросам. Материалы тетради были написаны в 1932–1933 гг.; в ней широко обсуждаются различные вопросы и аспекты философии, от политики до культуры.

развития, способные превратить истолкование истории во всеобщую философию. Необходимо работать именно в этом направлении, развивая позицию Антонио Лабриолы (Gramsci, 1975: 1855).

Интерес Грамши к Лабриоле связан не только с ролью философа в создании «теории праксиса» или его учением об историческом материализме, но и с влиянием профессора на русский марксизм. В § 70 генсекретарь Итальянской коммунистической партии, находясь в тюремной камере в городе Тури, критикует Плеханова за то, что «способ постановки проблемы, принятый Плехановым, типичен для позитивистского метода и отражает его ограниченные спекулятивные и историографические способности» (ibid.: 1508). Лабриолу, как и Бергсона, Грамши рассматривает как критика позитивизма⁷ в полемике с реформистскими течениями рабочего движения (борьбы, которая стала острее в 1917–1921 гг., во время внутрипартийной борьбы в ИСП)⁸ и как теоретика «креативной силы»⁹ рабочего класса¹⁰. Но именно такое «пророчество» Лабриолы, а также влияние позитивизма в кругах руководства итальянского и международного социалистического

⁷В итальянской философии конца XIX в. огромное влияние имел позитивизм — это влияние имело некоторые особенности. Позитивизм был реакцией на неаполитанскую гегельянскую школу, и воздействие таких важных мыслителей, как Бернардино Вариско и Роберто Ардиго, ценилось не только в академической среде, но и в культурных кругах; как показала в своей работе о позитивизме в Италии исследовательница Мария Донцелли, Огюст Конт стал известнее Гегеля (Donzelli, 1999).

⁸Зимой 1915 г. и еще раз в январе 1918 г. Грамши в полемике с итальянским интеллектуалом Акилле Лориа, с которым уже спорил Фридрих Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала» в 1894 г., процитировал позицию Лабриолы в отношении Лориа, которого он открыто называет лжецом. Лориа был одним из вдохновителей реформистской фракции в ИСП и, таким образом, противником революционных социалистов вокруг Грамши (Gramsci, 1982: 614–615; Labriola, 2008: 540).

⁹Понятие «креативной силы» Лабриола перенимает из работ немецкого философа, теолога и священника Якоба Фрошаммера (1821–1893), который был сторонником научной свободы и независимости науки от религии (в частности, поддерживал теорию эволюции Чарльза Дарвина), и из-за своей позиции сначала получил запрещение в служении, а потом, в 1871 г., и отлучение от Римско-католической церкви (Labriola, 2014: 4465).

¹⁰Из этой «духовной силы», по мнению Грамши, и происходит партия — новый «Государь» Макиавелли XX века. Ленин, например, в «Тюремных тетрадах» описан как «создатель» новой реалии: «Ильич на деле двинул вперед философию как таковую тем, что двинул вперед политическое учение и практику. Поскольку строительство аппарата гегемонии образует новые идеологические формы, обуславливает реформу сознания и методов познания, постольку оно является актом познания, философским актом. Или, говоря крочеанским языком: когда удастся внедрить новую мораль, соответствующую новому мировоззрению, это приводит к тому, что внедряется также и данное мировоззрение; другими словами, происходит целая философская реформа» (Gramsci, 1977: 1234–1235).

движений, по мнению Грамши, было причиной «невостребованности» позиций философа:

Почему Лабриоле и его постановке философских проблем так не повезло? На это можно ответить словами Розы¹¹, которая сказала по поводу критической политэкономии и ее высших проблем, что в романтический период борьбы, в период народных Sturm und Drang весь интерес устремляется на наиболее непосредственное оружие, на вопросы тактики в политике и на частные вопросы культуры в философской области. Но с момента, когда подчиненная группа становится действительно самостоятельной и превращается в гегемона, утверждая новый тип государства, рождается реальная потребность в создании нового интеллектуального и нравственного строя, то есть нового типа общества, а следовательно, потребность в разработке более общих теорий, более рафинированных и значимых идеологических средств¹². Вот отсюда и возникает необходимость снова привлечь внимание к Антонио Лабриоле и выдвинуть на первый план его формулировку проблем философии. Так можно повести борьбу за высшую самостоятельную культуру; это позитивная сторона борьбы, которая проявляется в негативной и полемической форме с отрицательными частицами «а-» и «анти-» (антиклерикализм, атеизм и т. д.). Придается современная и актуальная форма традиционному светскому гуманизму, который должен быть этической базой нового типа государства (Gramsci, 1975: 1508–1509).

Кто является главным агентом борьбы за высшую самостоятельную культуру? Грамши пытается отвечать на этот вопрос, анализируя формирование интеллигенции в тетради № 12, которая открывается вопросом: «является ли интеллигенция самостоятельной и независимой социальной группой, или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?» (Gramsci, 1977: 1513). Итальянский теоретик рассматривает то, как процессы формирования

¹¹Роза Люксембург. Часто в «Тюремных тетрадах» Грамши использует псевдонимы или другие транскрипции имен и фамилий, чтобы избежать возможных обысков и цензуры.

¹²Весной 1917 г., после первого крупного кризиса в Петрограде из-за антивоенных настроений против Миллюкова, Грамши обсуждал в нескольких текстах характер революционного процесса. «Почему русская революция является революцией пролетарской?» — спрашивает Грамши в статье «Заметки о русской революции», опубликованной в печатном органе социалистов Турина в 29 апреля 1917 г. «Но если какую-либо революцию совершили пролетарии, то достаточно ли этого, чтобы она была пролетарской революцией? Войну тоже ведут пролетарии, это само по себе не означает, что она является пролетарским деянием. Чтобы это было так, необходимо, чтобы были налицо и другие факторы, а именно духовные. Необходимо, чтобы революционное деяние проявило себя не только как феномен силы, но и как обновление всех привычных представлений и норм, как феномен нравственного порядка» (Gramsci, 1917).

интеллектуального класса происходили в разных странах и как именно этот класс играет ключевую роль в политике. Например, французская интеллигенция смогла, по мнению Грамши, в 1789 г. подчинить старые классы и развивать «империалистический и гегемонистский характер» французской культуры в мире (Gramsci, 1977: 1524). Грамши замечает, что «все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов», подчеркивая таким образом незаменимую роль интеллигенции в обществе.

Влияние Лабриолы в этом вопросе очевидно не только у Грамши: следы такого *Zeitgeist* обнаруживаются и в сочинениях Ленина. Например, когда лидер большевиков говорит о том, что «марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни» (Ленин, 1973: 88)¹³. «Философия праксиса» Лабриолы и пример большевиков у Грамши — главные элементы его самого известного культурно-политического понятия: гегемонии.

В анализе категорий революции и гегемонии Грамши рассматривает исторический опыт разных контекстов. В частности, понятие «гегемония» у Грамши означает и «управление», и «управление вместе с властью», и такая двусмысленность значения не была решена до конца (Cospito, 2004: 75). Например, Грамши использует «гегемонию» и чтобы описать международные отношения, и для истории abortивной итальянской революции, и для партийных задач коммунистов. Но есть один элемент, который в разных заметках итальянского интеллектуала очень важен, — вопрос об устройстве общества.

Этот элемент заметил и теоретик «культурного марксизма» Реймонд Уильямс, который написал о «великой заслуге» Грамши — осмыслении вопроса гегемонии как целостной системы. Уэльский исследователь подчеркнул, что итальянский теоретик развивал интуиции и позиции Маркса (и, добавляем, Лабриолы):

Если бы идеология была всего лишь абстрактным навязанным набором идей, если бы наши общественные, политические и культурные представления,

¹³Именно в первой строке «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» В. И. Ленин представляет слова Энгельса. «Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия» (Ленин, 1973: 84).

допущения и привычки были всего лишь результатом специфических манипуляций, разновидностью публичного тренинга, который мог бы быть попросту прерван или отброшен, тогда привести в движение и изменить общество было бы значительно проще по сравнению с тем, что было и существует сегодня на практике. Это понятие гегемонии, глубоко пропитавшее общественное сознание, кажется мне основополагающим. И гегемония имеет преимущество перед широкими представлениями о тотальности, поскольку она в то же время ставит акценты на фактах доминирования (Уильямс, 2012: 143).

ЛАБРИОЛА, ГРАМШИ И БОГДАНОВ: НОВЫЕ ПУТИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МАРКСИЗМА В ИТАЛИИ И В РОССИИ

Антипозитивистские и антидетерминистские позиции Грамши и Лабриолы, их постоянное внимание к человеческому фактору, креативной силе в истории, а также к тому, как формируется реальность, имели интересные сходства с идеями В. А. Базарова и А. А. Богданова. Если сравнивать позиции двух итальянских мыслителей со словами Богданова из его сборника «Эмпириомонизм. Статьи по философии», опубликованного в 1904 г., его описание процесса сознания реальности недалеко от идей Грамши и от взглядов Лабриолы в очерке «О социализме». Русский философ пишет:

Основа «объективности» должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны [...] основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение [...] такое же, как для меня (Богданов, 1904: 25).

Как отметил итальянский исследователь русского марксизма Гвидо Карпи, согласно русскому философу, «реальность — и социально обоснованная, и та, которая постигается эпистемологическим или научным путем, — является коллективно организованным опытом, и фактором, который организует опыт, является труд» (Карпи, 2016: 51). И хотя в работах Грамши нет прямых ссылок на богдановскую школу, идеи русского философа очень близки к взглядам итальянского марксиста. Богдановская «организационная динамика», бытие как организация общества и революции, на наш взгляд, имеют выражение в описании Грамши пролетарской революции как преобразования общества в коллективный организм в статье 1919 г. с названием «Дань истории»:

Пролетарская революция — это самая великая революция: поскольку она стремится уничтожить частную и национальную собственность и упразднить классы, в нее оказываются вовлечены все люди, а не только какая-то их часть. Она заставляет всех людей действовать, участвовать в борьбе, открыто встать на ту или другую сторону. Она коренным образом преобразует общество, превращая его из организма, состоящего из одноклеточных ячеек (граждан-индивидов), в организм, составленный из многоклеточных ячеек; она кладет в основу общества такие образования, которые уже органически присущи ему. Она вынуждает все общество отождествиться с государством, она требует, чтобы все люди были сопричастны сознательной духовной и исторической деятельности. Поэтому пролетарская революция есть социальная революция, поэтому она должна преодолеть неслыханные трудности и переграды, поэтому для ее успеха история требует чудовищной дани, подобной той, которую вынужден платить русский народ (Gramsci, 1919).

Революция не просто формирует коллективный организм; такой процесс возможен из-за пролетарского характера революции, то есть гегемонной роли рабочего класса и крестьянства.

Именно такое направление исследования — изучение схожих элементов и влияний богатой традиции дореволюционного и ранереволюционного русского марксизма на философскую и культурную позицию Антонио Грамши, равно как и изучение роли Лабриолы в формировании мировоззрения русских социалистов в конце XIX — начале XX вв., — может открыть новые пути в интерпретации истории политического мышления того периода.

Источники

- Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938 / пер. с англ. Л. А. Карповой. — М. : Центполиграф, 2007.
- Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. — М. : Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904.
- Грамши А.* Дань истории : статьи из «Ordine nuovo» : пер. с итал. / под ред. Т. Коррадова. — М. : Госполитиздат, 1960.
- Лабриола А.* Исторический материализм: очерки материалистического понимания истории / пер. с итал., с фр. А. П. Горлина. — Л. : Государственное издательство, 1925.
- Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории : пер. с фр. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1960.
- Ленин В. И.* О некоторых особенностях исторического развития марксизма // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 20. — М. : Издательство политической литературы, 1973. — С. 84–89.

- Плеханов Г. В.* О материалистическом понимании истории // Собрание сочинений : в 24 т. Т. 8. — М. : Государственное издательство, 1929. — С. 237–270.
- Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. — М. : Панорама, 1991.
- Gramsci A.* Note sulla rivoluzione russa // Il grido del popolo. — 1917. — 29 Apr.
- Gramsci A.* La taglia della storia // L'ordine nuovo. Rassegna settimanale di cultura socialista. — 1919. — 7 Giu.
- Gramsci A.* Quaderni del carcere : in 3 voll. Vol. 1. — Torino : Einaudi, 1975.
- Gramsci A.* Quaderni del carcere : in 3 voll. Vol. 3. — Torino : Einaudi, 1977.
- Gramsci A.* La città futura 1917–1918. — Torino : Einaudi, 1982.
- Labriola A.* Carteggio, III. 1890–1895. — Napoli : Bibliopolis, 2003.
- Labriola A.* Carteggio, IV. 1896–1898. — Napoli : Bibliopolis, 2006.
- Labriola A.* Carteggio, V. 1899–1904. — Napoli : Bibliopolis, 2008.
- Labriola A.* Tutti gli scritti filosofici e di teoria dell'educazione. — Milano : Bompiani, 2014.
- Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia. — 23 Mar. 1917.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпи Г.* История русского марксизма : пер. с итал. — М. : Common place, 2016.
- Ломбардо-Радиче Л., Карбоне Д.* Жизнь Грамши / пер. с итал. Г. Д. Богемского. — М. : Изд. Иностранной литературы, 1953.
- Ойзерман Т. И.* К вопросу об основах материалистического понимания истории // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2009. — № 1. — С. 6–12.
- Уильямс Р.* Базис и надстройка в марксистской теории культуры // Логос. — 2012. — Т. 85, № 1. — С. 136–156.
- Cospito G.* Egitonia // Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere / a cura di F. Frosini, G. Liguori. — Roma : Carocci, 2004. — P. 74–92.
- Dal Pane L.* Antonio Labriola nella cultura e nella politica italiana. — Torino : Einaudi, 1975.
- Donzelli M.* Origini e declino del positivismo: saggio su Auguste Comte in Italia. — Napoli : Liguori, 1999.
- Liguori G.* Teoria e politica nel marxismo di Antonio Gramsci // Storia del marxismo. I. Socialdemocrazia, revisionismo, rivoluzione (1848–1945) / a cura di S. Petrucciani. — Roma : Carocci, 2015. — P. 554–658.
- Lombardo G. P., Foschi R.* La psicologia italiana e il Novecento: le prospettive emergenti nella prima metà del secolo. — Milano : Franco Angeli, 1997.
- Marini G.* Il rapporto Sorel-Labriola dentro e fuori il marxismo // Critica Marxista. — 2012. — N. 1. — P. 67–76.
- Musè M.* Il marxismo teorico in Italia: Labriola, Croce, Gentile // Storia del marxismo. I. Socialdemocrazia, revisionismo, rivoluzione (1848–1945) / a cura di S. Petrucciani. — Roma : Carocci, 2015. — P. 169–237.
- Poggi S.* Introduzione a Labriola. — Roma, Bari : Laterza, 1982.

Savino, Dzh. 2018. "Ital'yanskiy marksizm i rossiyskiy sotsializm [Italian Marxism and Russian Socialism]: A. Labriola, A. Gramsci i filosofsko-kul'turnyye voprosy revolyutsionnogo dvizheniya (1890–1937) [Labriola, Gramsci and Philosophical and Cultural Questions of Revolutionary Movement (1890–1937)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] II (2), 99–117.

GIOVANNI SAVINO

PHD, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC SERVICE, MOSCOW

ITALIAN MARXISM AND RUSSIAN SOCIALISM

LABRIOLA, GRAMSCI AND PHILOSOPHICAL AND CULTURAL QUESTIONS OF REVOLUTIONARY MOVEMENT (1890–1937)

Abstract: The aim of this paper is to discuss and analyze the relationship between Italian Marxist thinkers Antonio Labriola and Antonio Gramsci on the one side and prominent representatives of the Russian Socialist and Communist movement on the other: Georgiy Plekhanov, Vladimir Lenin, and Leon Trotsky. In the history of the Socialist (and Anarchic) movement in Italy and in Russia from the end of 19th to the beginning of 20th century, there are many reasons for a more careful study of the points of *contact* and *coincidence* between two countries: first of all, because of the existence of the Italian Socialist Party influential leaders of Russian origin, such as Anna Kulisheva (known in Italy as Anna Kuliscioff) and Angelica Balabanova (Angelica Balabanoff). Italian philosopher Antonio Labriola was a significant moral and theoretical authority in the intellectual formation of the Russian socialistic democrats abroad. The influence of Labriola on the European labor movement and on the debate on historical materialism was enormous, and his rejection of the positivism and reformism in the Italian Socialist Party also had an influence on the discussions in the European socialist parties. Antonio Gramsci, the founder of the Italian Communist Party, assimilated the concept of *praxis theory*, as well as the rejection of positivism and the reformism of Italian socialism from Labriola; Gramsci's idea of the *creative power* of the working class in the revolutionary process derives from Labriola's arguments about classes in historical materialism. Gramsci's interest in Labriola is associated not only with the role of the philosopher in the creation of the *theory of praxis*, or his teaching on historical materialism, but also with his influence on Russian Marxism.

Keywords: Historical Materialism, Labriola, Hegemony, Gramsci, Revolution, Working Class, Marxism, Bogdanov.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-99-117.

REFERENCES

- Balabanova, A. [Balabanoff, A.] 2007. *Moya zhizn' — bor'ba. Memuary russkoy sotsialistki. 1897–1938* [*La mia vita di rivoluzionaria*] [in Russian]. Trans. from the English by L. A. Karpova. Moskva [Moscow]: Tsentpoligraf.
- Bogdanov, A. A. 1904. *Empiriomonizm. Stat'i po filosofii* [*Empiriomonism: Papers on Philosophy*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdaniye S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.
- Cospito, G. 2004. "Egemonia" [in Italian]. In *Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere*, ed. by F. Frosini and G. Liguori, 74–92. Roma: Carocci.

- Dal Pane, L. 1975. *Antonio Labriola nella cultura e nella politica italiana* [in Italian]. Torino: Einaudi.
- Donzelli, M. 1999. *Origini e declino del positivismo: saggio su Auguste Comte in Italia* [in Italian]. Napoli: Liguori.
- Gramsci, A. 1917. "Note sulla rivoluzione russa" [in Italian]. *Il grido del popolo* (Apr. 29).
- . 1919. "La taglia della storia" [in Italian]. *L'ordine nuovo. Rassegna settimanale di cultura socialista* (June 7).
- . 1975. *Quaderni del carcere* [in Italian]. Vol. 1. Torino: Einaudi.
- . 1977. *Quaderni del carcere* [in Italian]. Vol. 3. Torino: Einaudi.
- . 1982. *La città futura 1917–1918* [in Italian]. Torino: Einaudi.
- Gramshi, A. [Gramsci, A.] 1960. *Dan' istorii [A Tribute to History]: stat'i iz "Ordine nuovo" [Papers from Ordine Nuovo]* [in Russian]. Ed. by T. Korradov. Moskva [Moscow]: Gospolitizdat.
- Karpi, G. 2016. *Istoriya russkogo marksizma [History of Russian Marxism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Common place.
- Labriola, A. 1925. *Istoricheskiy materializm: ocherki materialisticheskogo ponimaniya istorii [Saggi intorno alla concezione materialistica della storia]* [in Russian]. Trans. from the Italian and from the French by A. P. Gorlin. Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- . 1960. *Ocherki materialisticheskogo ponimaniya istorii [Saggi intorno alla concezione materialistica della storia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Labriola, A. 2003. *Carteggio, III. 1890–1895* [in Italian]. Napoli: Bibliopolis.
- . 2006. *Carteggio, IV. 1896–1898* [in Italian]. Napoli: Bibliopolis.
- . 2008. *Carteggio, V. 1899–1904* [in Italian]. Napoli: Bibliopolis.
- . 2014. *Tutti gli scritti filosofici e di teoria dell'educazione* [in Italian]. Milano: Bompiani.
- Lenin, V.I. 1973. "O nekotorykh osobennostyakh istoricheskogo razvitiya marksizma [On the Certain Features of the Historical Development of Marxism]" [in Russian]. In *Polnoye sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 20:84–89. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Liguori, G. 2015. "Teoria e politica nel marxismo di Antonio Gramsci" [in Italian]. In Petruciani 2015, 554–658.
- Lombardo-Radiche, L. and D. Karbone [Lombardo Radice, L. and G. Carbone]. 1953. *Zhizn' Gramshi [Vita di Antonio Gramsci]* [in Russian]. Trans. from the Italian by G. D. Bogemskiy. Moskva [Moscow]: Izd. Inostrannoy literatury.
- Lombardo, G. P., and R. Foschi. 1997. *La psicologia italiana e il Novecento: le prospettive emergenti nella prima metà del secolo* [in Italian]. Milano: Franco Angeli.
- Marini, G. 2012. "Il rapporto Sorel-Labriola dentro e fuori il marxismo" [in Italian]. *Critica Marxista*, no. 1: 67–76.
- Mustè, M. 2015. "Il marxismo teorico in Italia: Labriola, Croce, Gentile" [in Italian]. In Petruciani 2015, 169–237.
- Oyzerman, T. I. 2009. "K voprosu ob osnovakh materialisticheskogo ponimaniya istorii [On the Question of the Foundations of a Materialistic Understanding of History]" [in Russian]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University]*, no. 1: 6–12.
- Petrucciani, S., ed. 2015. *Storia del marxismo. I. Socialdemocrazia, revisionismo, rivoluzione (1848–1945)* [in Italian]. Roma: Carocci.
- Pléhanov, G. V. 1929. "O materialisticheskoy ponimaniy istorii [On the Materialistic Conception of History]" [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 8:237–270. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.

- Poggi, S. 1982. *Introduzione a Labriola* [in Italian]. Roma and Bari: Laterza.
Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia [in Italian]. 1917, Mar. 23.
- Trotsky, L. D. 1991. *Moya zhizn'. Opyt avtobiografii* [My Life. An Attempt at an Autobiography] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Panorama.
- Uil'yams, R. [Williams, R.] 2012. "Bazis i nadstroyka v marksist-skoy teorii kul'tury [Base and Superstructure in Marxist Cultural Theory]" [in Russian]. *Logos* 85 (1): 136–156.